

Зоя Баркалова

Горайновы

Последний поклон

Зоя Баркалова

Горяйновы. Последний поклон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73178283

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга как последний поклон моей маме Кириченко Марии Васильевне (урожденной Горяйновой). Много лет я слушала и записывала рассказы о жизни моей семьи по линии мамы из уст самой мамы, бабушки Насти и троюродной сестры мамы Цыбиной Марии Михайловны. Мама была самым младшим ребенком в своей большой семье, где рождались одни мальчики – самым любимым и желанным. Все ее братья ушли очень рано, кто еще в детстве, Гриша погиб на войне, Павел и Дмитрий – от болезней. Все свои недожитые и недопетые годы жизни они, наверное, отдали своей младшей сестренке Машеньке, моей мамочке. Она очень любила жизнь! И любовь эта была взаимной – жизнь ей подарила 96 лет! 22 февраля 2025 года мамы не стало. В память о ней эта небольшая книга рассказов. Это не повесть и не документальная хроника. Это память моей души и сердца. Это желание донести до наших потомков историю нашего рода, жизни наших предков, которые остались верны своей малой родине и завещали эту любовь и верность нам, своим потомкам.

Содержание

От автора.	7
Я – из рода Одинокowych	9
Два дома на Пятом яру.	12
Родная веточка	20
Боковая ветвь	26
Два брата – две судьбы	30
Женские судьбы рода	38
СТАРШИЕ СЫНОВЬЯ	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

**Зоя Баркалова
Горайновы.
Последний поклон**

Светлой памяти моей мамочки Кириченко Марии Васильевны посвящается...

От автора.

Эта книга родилась не сразу.

Долгое время она жила во мне – в обрывках бабушкиных рассказов, в редких семейных разговорах, в ощущении утраты и недосказанности. Я знала имена, помнила лица, слышала истории, но всё это существовало разрозненно, словно рассыпанные бусины без нити.

С годами стало ясно: если не собрать эту память сейчас – она уйдёт.

Уйдёт вместе с теми, кто ещё помнит.

Уйдёт тихо, без следа.

Я не ставила перед собой задачу написать научный труд или безупречное историческое исследование. Эта книга – не для архивов и не для отчётов. Она – для детей и внуков, для тех, кто однажды захочет узнать: кто мы, откуда, какой ценой.

Здесь есть точные даты и имена, найденные в документах.

Есть воспоминания, переданные со слов старших.

Есть то, что не подтверждено бумагами, но подтверждено памятью сердца.

Я сознательно ничего не приукрашивала и не смягчала. В жизни рода были и свет, и боль, и потери, и тяжёлые испытания. Но именно из этого складывается настоящая история

семьи.

Эта книга – попытка удержать нить времени.

Соединить прошлое и настоящее.

Сказать тем, кто был до нас: мы вас помним.

И тем, кто придёт после: у вас есть корни.

Я – из рода Одинокowych

Наверное, в каждой семье есть своя легенда.

Та, которую не записывают сразу, но хранят в памяти, передают из уст в уста – от матери к дочери, от бабушки к внучке.

Есть такая легенда и в нашей семье.

От мамы я узнала, что по её линии всех в роду называли Одинокowymi, хотя официальная фамилия была другой – Горяйновы. В деревнях так бывало часто: когда в одном селе жило много однофамильцев, появлялись уличные прозвища. Иногда именно они становились важнее паспортных фамилий и жили дольше.

Нашу уличную фамилию дали не просто так.

У её истоков – судьба одного человека.

У него была большая семья. Он женился по большой любви. Жена родила ему шестеро детей – сыновей и дочерей, и он не чаял души ни в них, ни в своей любимой. Но судьба распорядилась жестоко: жена умерла совсем молодой, оставив мужа одного с шестью малолетними детьми.

Он долго горевал.

Поднимать детей одному, да ещё совмещать отцовский труд с тяжёлым крестьянским – было почти непосильным. Вокруг находились женщины, готовые выйти за него замуж,

помочь, вырастить его детей как родных. Но ни одна не могла сравниться с той, что подарила ему эту жизнь. Он не смог предать память о ней.

Так он и остался верен своей любви до конца.

Дети выросли, появились внуки, потом правнуки. Род стал большим, разветвлённым, крепким. Но всех их продолжали называть по уличной фамилии их легендарного отца и деда – Одинокowymi.

В память о человеке, который не предал своей любви.

Так начинается история рода Горяиновых.

Два дома на Пятом яру

Ранней весной я зарегистрировалась на сайте Воронежского архива и ночами перелистывала страницы метрических книг Вознесенской церкви села Большая Казинка, разыскивая свою родную фамилию – Кириченко.

Почему ночью? Потому что ночью сайт работал быстрее. И потому что в доме была тишина. Такая работа требует сосредоточенности и внимания.

Весна и лето внесли свои коррективы – сад, огород, двор. Поиски пришлось отложить до осени.

К сожалению, метрических книг Троицкой церкви села Верхняя Гнилуша на сайте не оказалось. В сельской администрации мне сказали, что архивы были утрачены во время войны.

Но мне повезло.

Я успела расспросить нашу дальнюю родственницу – Ма-

рию Михайловну Цыбину. Ей было за девяносто, но память у неё оставалась удивительно ясной. Я записала историю рода с её слов, ещё при её жизни, и ничего в этих записях не меняю.

Два дома на Пятом яру.

Здесь когда-то стояли два дома наших предков.

Прапрадед Иван.

Прадед Филипп.

Двоюродный прадед Исай.

Дальше память почти обрывается.

Филипп и Исай Горяиновы были родными братьями. Их отец Иван был земледельцем – пахал землю, сеял, растил детей. Семья была большая, хозяйство крепкое. Земля была главным достоянием крестьянина, и каждому сыну отец выделял надел.

Жили они в селе Гнилуша, нынешнего Верхнемамонского района, на Пятом яру. Там стояла Троицкая церковь – престольная церковь нашего рода.

Когда сыновья выросли и обзавелись семьями, Иван поставил рядом две избы. Но жили братья по-прежнему одной семьёй – подворья даже не отгораживали забором. Помогали друг другу, приглядывали за детьми, вместе садились за стол.

Ветвь Филиппа Ивановича

Филипп Иванович, мой прадед, женился на Варваре.

У них было шестеро детей: сын Василий и пять дочерей – Татьяна, Елена, Полина, Мария и Анна.

О Василии, моём дедушке, разговор особый. Я помню его смутно – он умер, когда мне было всего два с половиной года. Но даже это короткое время оставило во мне память.

Анна Филипповна, сестра деда, больше известная мне как баба Нюра, вышла замуж за Трофима Еськова. Детей у них не было. У Трофима от первого брака осталась дочь Полина. Жили они в Гнилуше, а позже – в Павловске, в маленьком уютном домике над Тамбовским озером.

Трофим был человеком могучим, добрым и щедрым. Он умер в феврале 1979 года. После его смерти мир бабы Нюры стал рушиться. Дом был переписан на племянницу, Любовь Павловну. Вскоре бабу Нюру определили в дом престарелых, а дом продали.

Она сильно загрустила, обиделась на всех. Иногда приезжала к родне, но никого не хотела видеть.

Анна Филипповна прожила сто один год и умерла в доме престарелых в Воронеже.

Рядом жила Анастасия Павловна Цыбина – нянька Настя. Крупная, статная, сильная женщина с врождённой мудростью. Её родной сын погиб в детстве во время войны. При том взрыве пострадал и её брат Василий Павлович.

В старости баба Настя сломала ногу, долго лежала в больнице. Потом её забирали в Москву, но она вернулась в Павловск. После оформления завещания на дом её отправили в дом престарелых, где она и умерла.

Так повторилась одна и та же судьба.

Трагический узел рода

Эти строки записаны со слов Марии Михайловны Цыбиной, внучки Исаия Ивановича. Люди говорили о ней просто: память у неё была удивительная. Она помнила не только имена и даты – она помнила характеры, судьбы, радости и утраты, словно всё происходило вчера. Итак.

Татьяна, родная сестра моего деда, связала свою жизнь с Павлом Суслиным. В их доме выросло шестеро детей:

Василий, Илья, Анастасия, Елизавета, Алексей и Николай.

Судьбы последних двух затерялись где-то в стороне – как это часто бывало в больших семьях и в непростые времена. Их ветви пока не удаётся восстановить, но память о них всё равно остаётся частью общего древа.

У Василия Павловича Суслина родились трое сыновей – Василий, Николай и Леонид.

А вот Илья Павлович, как с усмешкой вспоминала Мария Михайловна, женился «раз семьдесят» – такова была его беспокойная натура. У него было три дочери: Антонина, Ефросинья, которую в семье все звали Фросей, и ещё одна, чьё имя не сохранила память.

У Антонины была дочь Надежда. В поисках лучшей доли

она уехала в Москву, взяв с собой ребёнка, а позже перевезла туда и Фросю. Когда Антонины не стало, именно Фрося стала для девочки второй матерью – вырастила свою племянницу с любовью и терпением.

Дом Фроси в Москве всегда был открыт для родни. Туда ездили часто. Моя сестра Галина, пережив гибель первого мужа, добивалась в приёмной ЦК КПСС справедливой пенсии для сына, родившегося уже после смерти отца – и добилась. Мама и её сестра Мария Тихомирова ездили туда же – за редкими товарами, за надеждой, за поддержкой.

Фрося, а потом и Надежда, встречали всех тепло и радушно, как умеют только родные люди.

Елена вышла замуж за Ивана Горяйнова, семью которого в округе знали под уличным прозвищем Корзаковы. У них было пятеро детей: Прасковья, Пелагея, Павел, Николай и, по воспоминаниям дочери Прасковьи – Нины Фёдоровны Анненковой, ещё и Татьяна.

Николай, по словам Марии Михайловны, погиб на фронте – одна из тех утрат, о которых говорили тихо и сдержанно, но которые болели всю жизнь.

Прасковья связала свою судьбу с Фёдором Лыковым. У них родилось двое детей – Нина и Александр.

Нина Фёдоровна стала женой Виктора Фёдоровича Анненкова. Всю жизнь она посвятила медицине, работала медсестрой, а долгие годы – старшей медицинской сестрой терапевтического отделения Павловской центральной районной

больницы. Это была работа, требующая не только знаний, но и большого сердца.

Её муж, Виктор Фёдорович, трудился начальником АТС Павловского РУС – надёжный, ответственный человек своего времени.

У них родились два сына – Игорь и Вячеслав.

У Игоря – сыновья Денис и Руслан, у Дениса – дочь Ксюша, продолжение рода и новая надежда.

У Вячеслава Викторовича – сыновья Виктор и Даниил.

Судьба Даниила оборвалась трагически рано. В двадцать лет он погиб от удара электрическим током, помогая бабушке с ремонтом электрического котла. Он учился в престижном вузе, был сильным, талантливым спортсменом, подавал большие надежды. Такие утраты особенно остро ощущаются в семейной памяти – как незаконченная строка, как несказанное слово.

Так складывается память рода – из радостей и бед, из больших дорог и маленьких домов, из подвигов и повседневного труда. Пока мы помним имена и рассказываем эти истории, род продолжается – не только в крови, но и в слове.

Александр Фёдорович Лыков женился на Марии.

У них родились двое сыновей – Сергей и Виталий.

Сергей занимался привозом и продажей строительных материалов. В октябре 1999 года его жизнь трагически оборвалась. Он умер внезапно, на глазах у близких.

Хоронили его 18 октября.

31 декабря того же года умерла его мать Мария. Она долго болела, но смерть сына ускорила её уход.

А 8 марта 2000 года ушёл и отец – Александр Фёдорович, человек добрый, весёлый, с неизменным чувством юмора. Всю жизнь он проработал шофёром, много лет – в автобазе № 6.

За четыре месяца ушла почти вся семья.

Они похоронены рядом, у ограды, словно и после смерти не захотели расставаться.

Виталий Александрович женился на Любе. У них двое детей – Юлия и Артём. Он продолжает дело старшего брата.

Те, о ком почти ничего не известно

В каждом роду есть имена, о которых говорят тихо.

Не потому, что они были неважны, а потому что память о них не сохранилась.

О судьбе Полины и Марии – дочерей Филиппа и Варвары Горяиновых – известно совсем немного. Считается, что Полина выходила замуж, но умерла молодой. О Марии не осталось почти никаких сведений – только имя.

Есть в роду и другие судьбы, дошедшие до нас лишь строкой или упоминанием:

Пелагея и её дети – Татьяна, Мария, Прасковья, Виктор.

Павел Горяинов, его сын Иван – тракторист, и его дети.

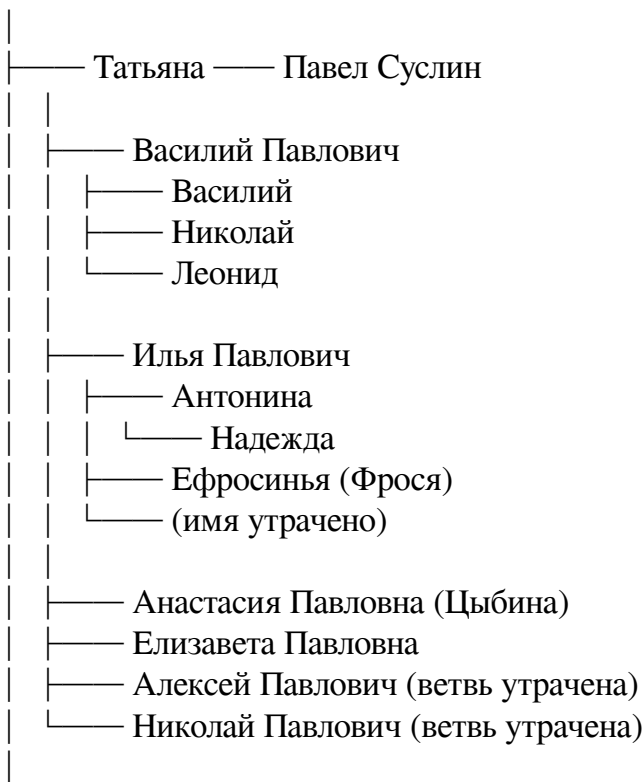
Тихон Павлович, живший в Воронцовке, и его дети.

Имена есть. Жизни были.

Но слова о них не дошли.

И, наверное, это тоже часть памяти рода – принимать не только то, что знаем, но и то, что утрачено навсегда.

РОДОВАЯ СХЕМА ВЕТВИ ИСАЯ ИВАНОВИЧА.

Родная веточка

И наконец – моя родная, прямая веточка. Та, что идёт прямо ко мне, через память сердца, через бабушкины рассказы, через семейные утраты и радости.

Мой дедушка, Василий Филиппович Горяинов
(27 февраля 1893 – 8 марта 1963),

женился на моей любимой бабушке – Анастасии Михайловне Стрелковой
(7 ноября 1893 – 2 мая 1970).

Бабушкина семья жила в Верхней Гнилуше, на так называемой Середке. В округе их знали по уличному прозвищу – Князевы. Семья была большая: у бабушки родилось девять детей. Но выжили лишь четверо – так сурово распорядилась жизнь.

Имена всех детей уже не сохранились полностью. Моя мама, Мария, девятая по счёту, родилась 3 февраля 1929 года. Она застала в живых только троих братьев:

Павла (1913 г.р.), Дмитрия (1923 г.р.) и Григория (1924 г.р.).

Между Павлом и Дмитрием, а также между Григорием и Марией были ещё дети. Бабушка вспоминала их имена: Иван, Митрошка, Микита (Никита), Алёшка.

Трое умерли, как рассказывала бабушка, на одной неделе

– «от живота», вероятно, от дизентерии.

Ещё один ребёнок погиб, сорвавшись то ли с дерева, то ли с крыши – он страдал лунатизмом.

Девочка умерла совсем крошечной, сразу после рождения.

Продолжение рода дали лишь две ветви – от Павла Васильевича, самого старшего сына, и от Марии Васильевны, самой младшей дочери.

Григорий погиб совсем молодым на фронте – либо 29 октября 1944 года, либо в январе 1945-го (в этом месте память даёт сбой). Ему было всего 20 лет.

Дмитрий, мой любимый крёстный Митя, с юности страдал расстройством мозжечка – в школьные годы они с одноклассником «проверяли голову на крепость», бились затылками о стену. Позже добавился тяжёлый сахарный диабет. Он женился на женщине по имени Алла, но уже через неделю она ушла, забрав с собой все свадебные подарки.

Ветвь Павла Васильевича

Павел Васильевич Горяйнов

(2 марта 1913 – 3 сентября 1980)

женился на Агриппине. Жили они тогда в Верхней Гнилуше. У них родились три дочери:

Любовь Павловна (20.03.1936 – 1996),

Татьяна Павловна (11.03.1948 – 29.11.2014),

Мария Павловна (25.05.1949).

Любовь Павловна вышла замуж за Артёма Николаевича

Едрышова.

У них родилось двое детей – Сергей и Валентина.

Сергей Артёмович женился на Валентине. У них двое детей – Карина и Дмитрий.

Карина сейчас во втором браке, у неё трое детей: Елизавета, Даниил и ...

У Дмитрия дети от двух браков: сын Артём и дочери Анна и Есения.

Валентина Артёмовна вышла замуж за Виктора Жукова.

У них одна дочь – Марина, у Марины – сыновья Денис и Егор.

Ветвь Татьяны Павловны

Татьяна Павловна Горяйнова вышла замуж за Ивана Михайловича Трегубова.

У них двое детей – Елена и Виталий.

Елена Ивановна стала женой Михаила Коренцова. У них родился сын Виталий, который недавно женился, и у него появился сын Евгений.

Виталий Иванович женился на Светлане.

У них трое детей – Алина, Дарина и Данис.

Алина замужем за Никитой Чумаковым, у них родилась дочь Ульяна.

Ветвь Марии Павловны

Мария Павловна Горяйнова вышла замуж за Владимира Крыськина (фамилия отчима).

У них родились две дочери – Наталья и Людмила.

Наталья вышла замуж за Андрея Малахова, у них трое детей – Павел, Мария и Валерия.

Людмила вышла замуж за Ивана Привалова, у них двое детей – Полина и Дарья.

На этой ветви фамилия Горяиновых завершилась.

Ветвь Марии Васильевны – моей мамы

Мария Васильевна Горяинова, моя мама, в 1953 году вышла замуж за Георгия Ивановича Кириченко, моего отца.

И по этой ветви фамилия Горяиновых также завершилась.

У родителей родилось четверо детей:

Галина (31.12.1954 – 15.04.2020),

Юрий (8.07.1956 – 18.07.1959), умер в три года от лейкемии,

Зоя (15.07.1960) – это я,

Любовь (4.09.1963).

У Галины Георгиевны трое детей от двух браков:

Андрей Николаевич Ендовицкий (1979),

Евгений Александрович (18.11.1982 – 1.12.2012),

Мария Александровна (1987).

У Андрея – сын Артём.

У Евгения – дочери Татьяна и Милена.

У Марии детей пока нет.

Моя ветвь

Я, Зоя Георгиевна Баркалова, вышла замуж 25 июля 1981 года за Виктора Ивановича Баркалова.

У нас трое детей:

Анастасия (1982),

Алексей (31.03.1984 – 08.03.2025),

Александр (1988).

Анастасия вышла замуж за Сергея Александровича Бондарева. У них двое сыновей – Александр и Дмитрий.

Алексей женился на Ольге Сергеевне Барановой, у них дети Сергей и София.

Александр женился на Татьяне Сергеевне Барановой, у них дочь Вероника и сын Вячеслав.

Ветвь Любви Георгиевны

Любовь Георгиевна вышла замуж за Игоря Викторовича Хохлова.

У них двое детей – Ксения и Диана.

Ксения замужем за Алексеем Полуэктовым, у них трое сыновей – Данила, Максим и Марк.

Диана вышла замуж за Вениамина Петрова (умер 8.07.2022). У них родились дочери-двойняшки – Ева и Алиса.

Итог

Итак, если подвести промежуточные итоги:

у бабушки Насти и дедушки Васи было шестеро внуков, вернее – внучек.

Род пополнился 14 правнуками и 28 праправнуками.

И пока мы помним имена – род живёт.

Боковая ветвь

Исая Ивановича Горяйнова

Эта ветвь идёт от Исая Ивановича Горяйнова – сына моего прапрадеда Ивана, родного брата прадеда Филиппа и дяди моего дедушки Василия.

О нём и его семье много рассказывала Мария Михайловна Цыбина, 1923 года рождения, старейшина нашего рода.

Исай Иванович был женат на Ефросинье. В их семье родился сын Михаил и дочери – Марфа, Агафья, Анастасия, Наталья и Анна.

Потомки дочерей Исая Ивановича

У Марфы Исаевны было трое родных детей – дочь Евдокия и сыновья Иван и Яков Горяйновы, а также приёмные дети, которых в семье воспитывали как своих.

Анастасия Исаевна вышла замуж за Козьму. В их семье выросли сыновья:

Яков Исаевич (работал директором),

Пётр Исаевич (невропатолог в Воронеже),

Иван, Алексей,

и дочери Прасковья и Татьяна.

Агафья Исаевна, выйдя замуж, уехала в Семикаракоры. Там у неё родились двое сыновей и две дочери – Анна и Мария. Оба сына воевали в Великую Отечественную войну:

один погиб, второй вернулся с фронта. Анна умерла молодой – замуж выйти успела, но детей не оставила.

Наталья Исаевна Горайнова, в замужестве Сырых, родила семерых детей:

Василия, Михаила, Якова, Ивана, Фёдора, Марию и ещё одного ребёнка, имя которого память не сохранила.

Ветвь Михаила Исаевича

Михаил, сын Исаия Ивановича, женился на Александре из Русской Буйловки. Мама звала её тёткой Санюхой. В детстве семьи наших предков жили одним двором, вели общее хозяйство, занимались земледелием – жили просто и трудно, как все тогда.

У Михаила и Александры было пятеро детей:

Иван (1921 г.р.),

Василий,

Сергей,

Николай,

и дочь Мария.

Ивана призвали в армию ещё до войны. Во время Великой Отечественной он воевал в блокадном Ленинграде, служил политруком штаба и погиб.

Судьба Василия оборвалась особенно трагично. В десять лет его придавило песком в песчаном карьере. Это случилось на Николу вешнего, 21 мая, в воскресенье. Дети часто бегали туда кататься с кручи, как с горки. В тот день обрушилась песчаная глыба. Под ней оказались трое мальчишек:

Василий Горяйнов,

Саша Лыков,

Володя Яковлев из Павловска – всем было по десять лет.

Их искали всем селом. Родители ходили к гадалкам, и каждая говорила своё. Лишь один старик сразу сказал правду: мальчиков нет в живых.

Нашли их случайно только через четыре дня, в четверг: один мальчик с отцом поехали за песком, и ребёнок решил прокатиться с кручи – так и наткнулся на тела.

Сергей умер ещё младенцем – в шесть месяцев.

Николай прожил чуть больше года.

Но, как вспоминали в семье, все дети были крещёные.

Дочь Мария вышла замуж за Кузьму Родионовича Цыбина. У них родились два сына – Владимир и Николай.

Владимир умер, не оставив потомства.

У Николая и его жены Татьяны было четверо детей – Андрей, Марина, Ольга и Женя.

У Ольги Цыбиной (в замужестве Богдановой) родился сын Вадим.

Дед Исай

О самом Исае Ивановиче в семье сохранилось особое, тёплое воспоминание. Это был человек яркий, запоминаю-

щийся. Крепкий мужик, хороший столяр и плотник, настоящий хозяин.

Следуя крестьянской мудрости – готовь сани летом, а телегу зимой – в шестьдесят лет он сбил себе гроб впрок, покрасил его чёрной краской и поставил на чердак.

Случай понадобился только через сорок пять лет, когда дед Исай умер своей смертью, от старости. А все эти десятилетия гроб стоял на чердаке и наводил ужас на ребятишек, которые, играя в прятки, иногда туда забирались.

Если же говорить серьёзно – Исай Иванович Горяйнов прожил 105 лет, долгую, насыщенную жизнь.

Два брата – две судьбы

Филипп и Исай были родными братьями и жили одним двором. У каждого – большие семьи. И удивительное совпадение: у каждого был один сын и пять дочерей. Дочерей отдавали «на сторону», а сыновья оставались жить в родовых хатах.

Сын Филиппа – Василий, мой дед, был богатырского телосложения, с рыжеватыми волосами и роскошными усами. Лицо – славянское, глаза – с лукавинкой, всегда будто смеющиеся. Так говорила моя мама.

Когда пришло время женить сына, отправились сватать Настеньку Стрелкову (по-уличному – Князеву), жившую с родителями на середке в Гнилуше, в самом центре села. У неё были иссиня-чёрные волосы, заплетённые в тугую косу. Характер – покладистый, смиренный, добрая душа и большая труженица.

Бабушка Настя потом вспоминала: когда увидела жениха – рыжего, конопатого – расплакалась и убежала из избы, умоляя мать, Дарью Алексеевну, не отдавать её за этого рыжего.

– Доченька, стерпится – слюбится, – уговаривала мать. – Василий из хорошей семьи, хозяйство крепкое. Нищету трепать не будешь.

Как сложилось дальше – подробностей уже не знаем. Но бабушка Василия полюбила и уважала крепко. Муж её не обижал, был мастером на все руки: плотником, кровельщиком, жестянщиком, печником.

Потом бабушка не раз говорила:

– Гляну на своего Васю – ну какой же он у меня хороший. Лучше всех.

Значит, слюбилось.

Дети пошли один за другим. Первым родился Павел в 1913 году. Потом были и другие дети, умершие в младенчестве.

Свёкор и свекровь очень любили Настю, не могли нарадоваться на невестку. Бабушка рассказывала: бывало, идут они в воскресенье на ярмарку, купят гостинцев – а свёкор тайком сунет ей пряники под подушку, сюрпризом.

Но жизнь сладкой не была. Большое хозяйство: лошади, коровы, быки, овцы, козы, птица. А потом случилась беда – свекровь Варвара пошла доить корову, и её хватил удар. Девять лет бабушка Настя ухаживала за лежачей свекровью. И никогда не роптала.

Она была человеком редкой доброты – таким, кто способен согреть всех вокруг.

После смерти жены Филипп Иванович так и не женился. Односельчане прозвали его Одиноким, а потом и всю семью стали звать Одиноковыми.

Тайна происхождения

О том, что отец был дворянином, мама узнала ещё в советские времена – тихо, шёпотом. Об этом ей сказала тётя Таня Киндякова, мать того самого Киндякова, у которого после перестройки в Павловске появились магазины «Пчёлка» и «Тысяча мелочей».

В те годы о дворянских корнях лучше было не знать. Потом и другие родственники подтвердили это, уже после смерти бабушки и дедушки. Мама рассказала мне – тоже почти шёпотом.

Тогда я не поверила. Думала, путают дворянина с кулаком.

И лишь совсем недавно то же самое сказала Мария Михайловна Цыбина, старейшина рода. Я начала искать корни – и нашла.

Оказалось, всё просто, давно известно и всегда было рядом.

Дедушка Вася и бабушка Настя

Мой дед, Василий Филиппович Горайнов, родился 27 февраля 1893 года в селе Гнилуша Павловского уезда Воронежской губернии. Женился он, по всей видимости, в 1912 году – потому что уже 2 марта 1913 года родился его старший сын Павел.

По рассказам бабушки Насти я знаю, что дед был на трёх войнах. Как она говорила – воевал в германскую (Первую мировую), Гражданскую и Великую Отечественную. Так уж, видно, было определено Богом: основные тяготы жизни ложились на плечи мужчины – он и пахарь, и воин.

За долгие годы существования Гнилуши её мужики не раз вставали на защиту Отечества. Не миновало село и Гражданской войны – самой страшной из всех: когда мужик пошёл на мужика, брат на брата. Красные и белые разделили не только страну – каждую семью, каждый двор.

По всей видимости, уже в 1914 году дед ушёл на Первую мировую. Потом была Гражданская. Василий Филиппович стоял за советскую власть. Где именно служил – не знаю. Но знаю другое.

Пока дед был в армии, к бабушке – тогда ещё совсем молодой женщине – повадился ходить один односельчанин по прозвищу Чулок. Он пытался ухаживать за ней. Бабушка, женщина набожная и скромная, возмущалась до глубины души и гнала его прочь. А Чулок, по рассказам селян, был ведьмаком и наслал на неё «килы» – гнойники по всему телу.

Бабушка написала письмо мужу, рассказала о своей беде.

И дед каким-то образом сумел на несколько дней вырваться домой. Он пришёл к Чулку и сказал коротко и жёстко:

– Снимай наговоры. Иначе убью. Ты меня знаешь.

Чуллок поверил. Болезнь снял. Бабушка поднялась. И всё то время, пока она выздоравливала, дед был рядом с ней.

Родовой дом

Вся семья жила в родовом доме Горяйновых в Гнилуше. Дом был дубовый. Он, слава Богу, жив до сих пор и, кажется, простоит ещё не одну сотню лет.

В доме было две большие комнаты:

кухня – с русской печкой-кормилицей, и зал.

В зале, в святом углу, стоял огромный, почти двухметровый дубовый стол. По обе стороны – углом – тянулись деревянные лавки, сходясь как раз в красном углу. Там висели иконы, покрытые вышитыми рушниками. У стены стоял большой сундук с льняными рубахами и цветастыми платками – почковыми. На стенах – фотографии: дед в солдатской форме, детские портреты.

Фотографии, к сожалению, не сохранились. Во время эвакуации их закопали в землю вместе с первоклассным дедушкиным инструментом, подушками и перинами. Когда вернулись – ничего не нашли. Видно, нашлись предприимчивые

люди...

В кухне стояла родительская кровать с пуховой периной и большой подушкой во всю ширину. Накрывали их рядюшками. В углу висел поставец для соли, сахара, чая и спичек. Вся мебель была сделана дедушкой.

Полы – из широких сосновых досок, натёртых до жёлтого блеска красным кирпичом. На полу – самотканые половички. Селяне соревновались друг с другом, стараясь нарядить избу красивее.

Дети сидели за столом на крепких дубовых лавках, а родители – на стульях. Я их помню: круглые, со спинками, под венские. Дед сделал их сам.

Чай, заваренный душистыми травами, пили из огромного медного самовара. Мама рассказывала, что в трёхлетнем возрасте схватила самовар за краник и потянула на себя. Кипяток облил грудь, плечи, живот, руки. Родители схватили ребёнка и повезли за семь километров в больницу. Следы ожогов остались у мамы на всю жизнь.

Я помню этот самовар. В 1974 году, когда родители перекрывали дом шифером, мы с младшей сестрой Любой залезли на чердак и нашли его. Дед Трофим показал, как чистить медь. Мы долго тёрли бока самовара, пока он не засиял. Но практического применения не нашли – и он снова отправился на чердак, где и достался новым хозяевам.

Деревенская жизнь

Бабушка пекла высокий круглый хлеб в русской печи. Терла свёклу, тыкву, добавляла вишню и варила варенье – деревенские сладости.

Зимой ткала холсты из конопли, пряла пряжу. Коноплю срезали, сушили, выбивали семечки, замачивали, снова сушили, мяли, толкли, чесали – и только потом начинали прясть. Холсты ткали рулонами по 10–20 метров. Весной их вымачивали и сушили на траве до белизны. Зимой из них шили рубахи и простыни.

Бабушка вышивала крестиком и гладью подзоры, наволочки, рушники. Особенно наряжали избы к Пасхе и Троице – престольному празднику Гнилуши.

Дед шил обувь, выделывал кожу, делал бочки, телеги, арбы, вёдра, тазы. Во дворе стояли огромные сараи, была и столлярная мастерская с отличным инструментом.

В огороде сажали картошку, тыкву, коноплю, огурцы, горох, помидоры. В саду росли яблони, сливы, вишни, тёрн. Всё солили и мочили в больших бочках, хранили в глубоком круглом погребе с «рукавом».

Когда фруктовые деревья обложили налогом, сад пришлось выпилить – под слёзы всей семьи.

Печь топили кизяками. Заготавливали их весной: меси-

ли навоз, формовали, сушили, складывали «ёлочкой», потом «пятками». Зимой кизяки горели жарко и долго держали тепло.

Позже родовой дом перевезли в Павловск. Он и сейчас стоит на Петровской площади в первозданном виде – его так никто и не перестраивал.

ИСПЫТАНИЯ

Рядом жила семья двоюродного брата деда – Михаила. Хозяйство у Василия Филипповича было крепкое. Бабушка рожала почти каждый год, ухаживала за парализованной свекровью. Жизнь была тяжёлой.

Во время коллективизации вошли в колхоз. Всё хозяйство дед сдал туда. Работал кладовщиком-учётчиком, был мастером на все руки.

В голодные тридцатые годы, благодаря деду, выжили две семьи – он кормил свою многочисленную родню и семью двоюродного брата, ежедневно вынося из амбара по полведра чечевицы, из которой варили суп и кашу.

Женские судьбы рода

Если присмотреться к истории нашего рода внимательнее, становится ясно: его держали женщины.

Мужчины уходили – на войну, на дорогу, в работу, в смерть.

А женщины оставались. С детьми. С домом. С памятью.

Они редко выбирали свою судьбу. Но почти всегда несли её достойно.

Варвара – прабабушка, жена Филиппа Ивановича, – родила шестерых детей. О ней известно немного, но достаточно одного факта: после неё остался крепкий, многочисленный род. Значит, была сильной. Другими в те времена просто не выживали.

Её дочери понесли дальше не только жизнь, но и характер рода.

Анна Филипповна – баба Нюра – была худенькой, хрупкой, тихой. Она жила как будто за чьей-то спиной: сначала в родительском доме, потом за мужем. За Трофимом Еськовым она действительно жила «как за каменной стеной».

Но когда этой стены не стало, мир оказался слишком жёстким. Дом перестал быть домом, родные – родными. Она прожила сто один год, но последние годы – не там, где хотелось бы. И в этом – одна из самых горьких женских судеб рода: долгую жизнь прожить не значит прожить её спокойно.

Анастасия Павловна, нянька Настя, была другой. Крупная, статная, сильная – настоящая русская женщина. Та, что и коня удержит, и дом сохранит. В её жизни было много боли: гибель сына, увечье брата, одиночество старости.

Она знала, как держаться, как выживать, как не сломаться. Но даже такая сила оказалась бессильной перед человеческой корыстью. Дом, завещание, дорога в дом престарелых – и здесь судьба повторилась.

Татьяна, сестра моего деда, прожила жизнь в заботах о большой семье. Шестеро детей – это целый мир. Она не оставила после себя громких историй, но оставила людей. А это, пожалуй, главное, что может сделать женщина в роду.

Елена вышла замуж, родила пятерых детей. Один из сыновей погиб на фронте – и эта утрата навсегда осталась в семейной памяти. Женщины редко говорят о таком вслух. Они просто продолжают жить, словно боль – это ещё одна обязанность.

Прасковья, Нина, Антонина, Фрося...

Женщины нашего рода умели подхватывать чужих детей, воспитывать племянников, заменять матерей. Они умели быть опорой не только своим, но и тем, кого жизнь оставляла без защиты.

Даже когда судьба складывалась тяжело, они оставались гостеприимными, тёплыми, открытыми. К ним ехали – за помощью, за поддержкой, за надеждой. И двери их домов были открыты.

Женские судьбы нашего рода – это не истории про счастье.

Это истории про стойкость.

Про умение не ожесточиться.

Про способность сохранить в себе человечность, несмотря ни на что.

И, наверное, именно поэтому род жив.

Потому что женщины в нём умели не только рожать детей, но и удерживать мир от распада.

СТАРШИЕ СЫНОВЬЯ

Павел, Дмитрий и Григорий

Павел – «дом, который дед передвинул ближе»

Старший сын, Павел, родился в 1913 году. В 1935-м, в двадцать два года, он женился на Агриппине Николаевне. Её судьба с юности оказалась рядом с нашей семьёй: лет в пятнадцать её отдали в дом моей бабушки Насти «в няньки», и так она стала своей – ещё до того, как стала невесткой.

После свадьбы дед отделил молодую семью, построив им дом на краю деревни. А когда недалеко от отчего дома освободилось место, дед перевёз дом сына ближе – как будто не просто стены переместил, а саму ветку рода подтянул к корню.

В 1936 году у Павла и Гриппы родилась первая дочь – Люба. Потом была Мария, но она умерла во младенчестве. Уже после войны в семье появились ещё две дочери: Татьяна (1948 г.р.) и Мария (1949 г.р.).

Павла Васильевича в армию не призывали. Он работал в колхозе комбайнёром, был на хорошем счету. Агриппина трудилась в поле – тихо, ровно, по-женски вынесла то, что выпадало деревенской доле.

Дмитрий – «мой крёстный Митя»

Дмитрий, 1923 года рождения, учился сначала в Верхнегнилушанской школе, а десятилетку окончил уже в Павловске. Учился блестяще – «на одни пятёрки». И как это часто бывает, беда пришла не на войне и не в дороге – пришла в школьной игре.

В десятом классе ребята затеяли силовое состязание: сцепляли руки в «замок» на шее друг друга и перетягивали. Дмитрий стоял возле стены, когда соперник резко разжал руки, – и мой крёстный со всей силы ударился головой об стену.

Он никому не сказал. Но скоро дома заметили: сын мучается нестерпимыми головными болями, потом начал терять сознание и падать на ходу. Бабушка с дедушкой возили его по врачам, повезли в Воронеж. Долго не могли понять причину – пока не устроили настоящий допрос:

– Расскажи, должен же быть толчок. Падал? Ударился?

И тогда Дмитрий признался. Диагноз был тяжёлый: расстройство мозжечка. С тех пор всю жизнь он страдал нарушением координации, ходил с палочкой.

И всё равно он учился. Сначала окончил в Павловске годичные курсы агронома, потом – Таловский техникум, по-

лучив диплом агронома и сдав экзамены экстерном на «пятёрки». К этому времени болезнь уже не отпускала: во время учёбы в Таловой он тяжело заболел диабетом. В семье считали, что причиной могло стать сильное переохлаждение в дороге.

Его распределили агрономом в Архангельскую область, но он быстро вернулся: болезнь прогрессировала, он уже колл себе инсулин.

Он попытался построить семью и женился, но молодая жена сбежала через неделю после свадьбы.

Крёстного я помню хорошо. До конца дней он жил с матерью, моей бабушкой. Он был человеком образованным, выписывал много газет. Я вижу это до сих пор: после обеда он заходил в свою маленькую комнатку и разворачивал «Советскую Россию».

День памяти крестного – в Крещенский сочельник. Ему было всего сорок пять лет. Сахарный диабет. Он не вышел из комы.

Мне было семь лет. И я помню тот вечер до мельчайших подробностей.

У меня был настоящий крестный. Не формальный участник обряда, а человек, который по-настоящему исполнял роль крестного отца. В православии для девочки главной считается крестная мать. В моём случае так не сложилось. Моя крестная – тётя Катя – после крещения словно забыла о своём существовании в моей жизни. Мы с её дочерью учи-

лись в одном классе, и забыть меня было невозможно. Но Бог ей судья.

Зато у меня был он – мой крестный Митя. Родной дядя. Очень больной человек и при этом необыкновенно тёплый, внимательный, настоящий.

Крестный был худой, всегда ходил с палочкой. В юности, ещё школьником, он получил тяжёлую травму: во время глупой игры парни сцепляли руки на шее друг друга и пытались перетянуть соперника. Руки у партнёра разжались, и крестный со всего размаха ударился затылком о стену. Потерял сознание. Никому сразу не рассказал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.